

А Л И Н А

Сергей и Дина
Волсини

Современная русская проза

Сергей и Дина Волсини

Алина

«Волсини Сергей Николаевич»

2014

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)

Волсини С.

Алина / С. Волсини — «Волсини Сергей Николаевич»,
2014 — (Современная русская проза)

ISBN 978-5-9902212-6-0

Две пары отправляются на отдых в горы Каталонии: благополучная семья со стажем и влюбленные, которые вот-вот собираются объявить о свадьбе. Пять дней, проведенные в уединенном месте, меняют все. Примерная жена и мать двоих сыновей вдруг увлекается женихом своей младшей сестры, но за ней зорко следит муж, и без того подозревающий жену в неверности. Отношения между героями накаляются, обстоятельства ставят их на грань жизни и смерти. Роман основан на реальной истории. Интервью с главным героем приводится в конце книги.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9902212-6-0

© Волсини С., 2014
© Волсини Сергей Николаевич, 2014

Содержание

Алина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей и Дина Волсини

Алина

© Сергей и Дина Волсини, 2014

©Иллюстрация на обложке Игорь Панкин, 2017

©Дизайн обложки Андрей Бехтерев, 2017

* * *

Алина

– Ты меня любишь?

Алина прижалась ко мне еще крепче. Мне было жарко под тяжестью ее тела, но я продолжал лежать, весь опутанный ее руками, ногами, волосами.

– А я тебя очень люблю, – она громко чмокнула меня в плечо, в шею и куда попало. – Очень-очень!

Я знал, откуда в ней этот прилив чувств: завтра мы летели в Барселону, к ее сестре.

Алина мечтала об этом едва ли не с первого дня нашего знакомства. Ее сестра была на пятнадцать лет старше нее и была ей не только сестрой, старшей подругой, наставницей и советчицей, но кумиром и примером во всем – Алина ее обожала и обожествляла. Обо всем, что касалось сестры, она говорила с нескрываемым восхищением. Послушать ее, на свете не было женщины красивее, остроумнее и удачливее ее сестры. Все ей удавалось, во всем она преуспевала и всюду оказывалась лучше других. И даже имя у нее было необыкновенное – Лия. Меня поначалу удивляло, зачем Алина так уж превозносит сестру в моих глазах, для чего ей это? Ведь было очевидно, что она преувеличивала, у всякого из нас имеются недостатки. К тому же, продолжал удивляться я, неужели она не замечает, что, говоря о сестре в таком тоне, она сама то и дело оказывается в невыгодном положении?

В сравнении с сестрой она неизбежно проигрывает, неужели это ей не неприятно? Но Алину это ничуть не смущало.

– Так это же правда, – сказала она самым обычным тоном, когда я заметил полушутливо, что ей не стоило бы так уж очернять себя. И принялась заново убеждать меня в непревзойденных талантах сестры. Она уверяла, что, стоит нам познакомиться, я тут же соглашусь с ее мнением. И я понял в конце концов, что она верила в то, что говорила о сестре, верила искренне и прочно. Она действительно считала, что, вместе с другими женщинами мира, во всем уступает сестре, и убедить ее в обратном было невозможно. В представлении Алины иначе и быть не могло.

Чем теснее становилось наше общение, тем чаще слышал я о сестре. Еще не видя ее ни разу, я уже чувствовал, как она участвует в нашей с Алиной жизни – одобряет, осуждает, сомневается, предлагает, настаивает. Я видел это по Алине, по тому, как она радовалась или огорчалась, по тому, как менялся взгляд ее ласковых глаз. С самого начала в воздухе витала идея нашего знакомства с сестрой. За полгода, в течение которого наш с Алиной роман прошел отметку «свидания» и вылился в совместное житье в моей квартире, это стало чем-то само собой разумеющимся, словно все мы только и ждали подходящего случая увидеться. Сестра два года назад переехала в Барселону и жила там постоянно с двумя детьми, муж ее имел какой-то бизнес в Москве и ездил к ним так часто, как позволяли ему дела, так что наше знакомство должно было состояться в их испанском доме. Не будь этого препятствия, Алина бы уже давно представила нас друг другу. А так ей было неловко настаивать на поездке, я должен был пригласить ее сам. Наконец, где-то в середине весны, когда речь зашла о летнем отпуске, я предложил ей съездить куда-нибудь к морю. Алина только этого и ждала. С трудом дослушав мои предложения, она воскликнула:

– Поехали лучше в Испанию!

Я помялся немного, как будто не понимал заранее, чем все закончится, и Алина принялась уговаривать меня:

– Лия уже сто раз нас приглашала, она нас так ждет! И у мальчишек как раз каникулы начнутся. Будем гулять по Барселоне, там так красиво! Я там два раза была и ни разу почти ничего посмотреть не успела, все с младшим сидела, пока Лийка по своим делам ездила. А

тут!.. И мама как раз там будет. Да нет, ты не волнуйся, – она схватила меня за руку, – мама нам не мешает. Наоборот, с детьми побудет, чтобы мы могли спокойно гулять. Ой, здорово как! Поедем?

Мы долго спорили, где будем жить. Алина непременно хотела, чтобы мы поселились в доме сестры. Почему-то она считала, что родственники обидятся, если мы, приехав к ним в гости, остановимся в отеле.

– Как я скажу им, что мы решили жить в отеле, а не у них? – спрашивала она, глядя на меня своими блестящими, округлившимися от страха глазами. – Что я им скажу? Что мы не хотим жить с ними?! Дом ведь у них большой, места для гостей хватает. У тебя будет отдельная комната. А я буду ночевать у мамы в комнате или в детской с Темкой, он обожает спать вместе со мной!

Видимо, в их семье так было заведено, и она боялась, что наше знакомство начнется с конфликта. Мне пришлось уступить, хоть я был не в восторге от перспективы жить в чужом доме и коротать ночи в одиночестве. Взамен Алина пообещала мне, что гостить у них мы будем ровно одну неделю, а после вдвоем отправимся путешествовать по стране.

Решено было ехать в июле. До середины августа я рассчитывал быть совершенно свободным от работы и намеревался всецело посвятить себя отдыху с Алиной и провести эти недели, что называется, с чувством, с толком. Я давно уже не отдыхал не спеша, приготавливаясь заранее, пожалуй, с тех самых пор, как перестал ездить в отпуск с женой. Последние два года я путешествовал по-мужски: собирался наспех и ехал куда придется, бросал в чемодан вещи, какие попадутся под руку, и бежал в аэропорт, в последнюю минуту решив присоединиться к компании друзей; я уже успел позабыть, до чего приятно бывает отправиться в путешествие с любимой женщиной. Алина радовалась как ребенок и строила планы, куда бы ей хотелось поехать и что посмотреть, и каждый вечер, придя домой, я находил ее, увлеченную очередным новым маршрутом. Я на все соглашался, она визжала от восторга и расписывала мне красоты, которые нам предстояло увидеть. Но вышло так, что мы поехали даже раньше, чем планировали.

В первые же дни июня на работе у меня вдруг выдалась свободная неделя. Лето только началось, дни стояли нескончаемые, долгие, белые, что было делать в Москве в эту пору? Бездельничать, да и только. И однажды, вернувшись вечером домой, я обхватил Алину и сказал:

– Нечего нам сидеть в городе. Поехали куда-нибудь.

– Как поехали? Куда?

– Куда-нибудь. Откроем летний сезон.

Она не хотела ехать со мной никуда, кроме как к сестре. Может, опасалась, что, съездив сейчас куда-то, я откажусь потом от поездки в Барселону, ссылаясь на дела. А может, просто настроилась ехать к сестре, и ничто другое ее уже не привлекало. И хоть я говорил, что это совсем уж не прилично – вдруг менять планы и приезжать к людям на месяц раньше, чем договаривались, Алина ничего и слышать не хотела. Я снова вернулся к идее остановиться в отеле неподалеку от их дома, так мы, по крайней мере, не стеснили бы хозяев своим неожиданным появлением. Но Алина и здесь была непреклонна. Созвонившись с сестрой, она мигом обо всем договорилась и, без до того возбужденная предстоящей поездкой, в оставшиеся дни только и делала, что кружила по квартире с горящими глазами, перекладывая с места на место стопки одежды и упаковывая чемоданы.

В Алине меня сразу привлек ее горячий равнодушный характер. Она никогда не бывала спокойна; обрадуется чему-то, так сразу прыгает чуть не до потолка, кидается мне на шею, визжит так, что всему дому слышно. Помню, в первое время, когда я только перевез ее к себе, по вечерам она, заведя из окна мою машину, открывала настежь дверь и выбегала на лестничную клетку, чтобы броситься мне на шею, а потом вместе идти в квартиру – до того ей

хотелось поскорее обнять меня, что она не могла вытерпеть и нескольких секунд, пока я войду в дверь. Позже я с трудом уговорил ее ждать меня дома, к огорчению наших соседей, привыкших наблюдать за нашими шумными встречами. Никто не радовался подарку или простому букетику цветов искреннее, чем Алина. Меня умиляло, как она возилась с цветами. Поставит их в вазу и давай обхаживать, поправлять, подрезать, чуть ли не разговаривать с ними, потом перенесет их со стола на тумбочку, оттуда на подоконник и обратно, выбирая место, где они смотрелись бы лучше, на ночь заберет с собой в спальню, а днем опять принесет в комнату и радуется, как ребенок, если цветы стоят по многу дней. Они действительно доставляли ей удовольствие. И так во всем.

Приглашу ее в известный ресторан в субботний вечер, глаза у нее засияют от радости, и весь день она будет оживлена предстоящим походом, будет вертеться у зеркала и примерять платья, а за ужином будет сидеть с прямой спиной, напряжена и торжественна, будет с восторгом оглядываться по сторонам, читать меню и теряться перед официантом, и будет смотреть на меня тем особенным взглядом, полным нежности, страстности, покорности и всего того, что делает мужчину счастливым.

Она не скупилась на проявление чувств и никогда не стеснялась ни с того, ни с сего в сиюминутном порыве обнять меня за шею и расцеловать или, проходя мимо, ткнуться губами в мою макушку со словами «до чего же мне все-таки повезло! Как же я тебя люблю!». Это была не какая-нибудь провинциальная неопытность, присущая некоторым барышням, готовым пищать от восторга по всякому поводу – отнюдь нет; с чужими Алина держала себя строго, даже замкнуто, и, не будучи знакомым с ней, невозможно было догадаться, сколь трогательной и сердечной она могла быть, оказавшись рядом с близким и, смею надеяться, любимым человеком. Со мной она была ласкова словно прирученный зверек, ее простодушная, бесхитростная доброта и живость чувств пленили меня.

Особенно приятно мне было видеть, что вся теплота ее сердца была направлена на нас двоих; когда мы бывали на людях, она не стремилась показать окружающим нашу близость и по-прежнему вела себя сдержанно, часто тушевалась, говорила мало и все больше пряталась за мою спину, предоставляя мне самому объясняться за нас обоих. Она не любила, когда ее спрашивали о нас – о нашей жизни или о наших планах – вопросы подобного рода ее смущали, и шутки, нацеленные на нас, ее вовсе не смешили. Смелая дома, она совершенно терялась на людях, особенно когда дело касалось нас с ней, и не выносила ни прилюдных ласк, ни досужих разговоров о личном. Как и всякий другой мужчина на моем месте, я был этому несказанно рад. Ведь чаще приходится наблюдать обратное, когда женщина надевает маску благополучия в обществе, а дома наедине с мужчиной не скрывает своего раздражения и неприязни. Мне ли этого не знать! Последние несколько лет супружеской жизни мы оба с женой играли эти роли, находясь среди родственников или на деловой обеде, а потом, едва оказавшись дома, с облегчением расходились по разным комнатам, счастливые не видеть больше друг друга, и следующие два дня могли и словом не обмолвиться; давным-давно миновали те времена, когда она наряжалась для меня, а не для гостей, да и я, чего уж скрывать, вел себя не лучше. С Алиной все было иначе. С кем бы мы ни проводили время, нам не терпелось поскорее остаться вдвоем, и нигде она не казалась мне так трогательно хороша, как дома, когда расхаживала по квартире в своих розовых кружевных штанишках и напевала что-то себе под нос.

Когда я встретил Алину, мы с женой как раз разводились. Мы прожили в браке ровно десять лет и последние три или четыре года провели почти порознь, оставаясь парой только на людях. К тому времени мы оба уже знали, что развод наш неизбежен, мы уже чувствовали себя свободными друг от друга, но ни один из нас не ставил точку, не собирал вещи, не уходил из дома, и мы продолжали жить вместе, пожалуй, исключительно из привычного удобства. Во всяком случае, это можно было сказать обо мне: худой мир лучше доброй ссоры, думал я. Мы не ограничивали свободы друг друга, впрочем, это слишком громко сказано, за это время ни у

меня, ни у нее не завелось ни одного сколько-нибудь серьезного романа. Детей у нас не было, и это тоже стало одной из причин расставания; поначалу я просил жену не торопиться с ребенком, позднее, когда она поставила вопрос ребром и я вынужден был уступить, выяснилось, что жена никогда не обладала здоровьем, чтобы родить самостоятельно, требовалась помощь врачей. Она схватилась за эту идею как за спасательный круг, я же, и до того не горевший желанием обзаводиться потомством, теперь, когда отношения наши дали трещину, и вовсе сдулся. После череды скандалов я предложил расстаться – не хотел и дальше удерживать ее от заветной мечты; она согласилась. Уже в спокойствии мы договорились о том, как будем делить нажитое, она наотрез отказалась от квартиры, сказав, что жить здесь без меня она не хочет, к тому же, ей необходима смена обстановки, и попросила оставить ей дачный домик и небольшую уютную квартирку, что до сих пор числилась за нами – наше с ней первое собственное жилье, к которому она всегда относилась с особенной любовью. Мы также обсудили, кому и в какой последовательности расскажем о нашем решении, как объясним наш развод родителям и друзьям, и здесь, надо сказать, у нее было множество условий, запомнить которые я был не в состоянии, одному предлагалось говорить одно, другому другое; остановились на том, что она сама займется этим, а я буду помалкивать до поры до времени.

С того разговора прошла неделя, потом другая. Ничего не изменилось, и мы по-прежнему жили вместе. Временами я замечал, как жена разбирает шкафы, упаковывает пакеты с вещами – и только. Минул год. Два или три раза она порывалась переехать, но что-то все время ее останавливало, то тесть слег с воспалением, то Новый год на носу. Наконец это случилось. Однажды, придя с работы, я увидел, что в квартире все перевернуто верх дном, как будто затеяли генеральную уборку; жена, взлохмаченная и возбужденная, с порога сообщила мне, что уезжает.

– Почему именно сейчас? – полюбопытствовал я.

Она бросила на меня уничижительный взгляд.

– Как всегда, ничего не замечаешь.

– А что я должен заметить?

Распрямившись, она встала передо мной во всей красе и произнесла с убийственной торжественностью:

– Я, между прочим, выхожу замуж!

Оказалось, она сошлась со своим инструктором по йоге. Удивительно, но сразу после ее отъезда в моей жизни появилась Алина. Я отлично помню, как это произошло.

Как и всякая женщина, покидающая мужчину, моя жена, уезжая, сделала все, чтобы следы ее присутствия не исчезли одновременно с ней, видимо, женское самолюбие не позволяло ей своими руками превратить бывшее семейное гнездо в холостяцкую берлогу. Она оставила меня в полном бардаке, с беспорядочно опустошенными полками, стопками своей старой одежды, книг, журналов и косметических баночек, разбросанных повсюду. Недельку я прожил, с трудом выживая нужную мне вещь из груды ненужного хлама, а потом решил-таки навести порядок, пригласив для верности двух своих друзей. Один из них отказался прийти в последний момент, с другим мы полдня пили пиво и обсуждали мою жену, его жену, чужих жен и всех женщин в целом, и затем за каких-нибудь полчаса собрали и вынесли на помойку все, что могло бы помешать моей новой свободной жизни. Вечером он потащил меня на вечеринку, куда был приглашен и где надеялся втайне от жены встретиться со своей новой пассией; мы условились, что так я отплачу ему за помощь с уборкой – жене он сказал, что проведет весь вечер, утешая меня, покинутого и разбитого горем, и каждый раз, когда она звонила, он передавал трубку мне, чтобы я мог выслушать слова сочувствия, а она – убедиться, что ее муж со мной. На той вечеринке я и встретил Алину.

Она показалась мне совсем юной, намного моложе всей остальной компании, я дал бы ей не больше двадцати двух или трех лет. У нее были очень запоминающиеся глаза, продолгова-

тые, чуть раскосые, жгучего горько-шоколадного оттенка и такие большие, яркие, что взглянув в них, невозможно было запомнить другие черты лица – лично я поначалу ни на что больше не обратил внимания, разве только на копну черных волос, крепившихся на затылке при помощи шпилек с разноцветными бусинами, которые оказывались передо мной, когда она отворачивалась. Она, несомненно, готовилась к вечеру и выглядела празднично, чем тоже выделялась среди всех; это также заставило меня думать о том, что она еще очень молода, ведь только в юности одеваешься нарядно просто так, на всякий случай. Свои и без того весьма выразительные глаза она накрасила чересчур черно, с густым слоем туши на ровно-изогнутых ресницах, из-за чего взгляд у нее был еще более удивительный, как у маленького испуганного олененка, и я подумал, до чего хорошо, должно быть, смотрятся эти глаза без косметики, естественно гармонируя со всем остальным лицом. Держалась она застенчиво; по-моему, ни с кем из присутствующих она не была хорошо знакома и из-за этого чувствовала себя не в своей тарелке, улыбалась шуткам, не понимая их, и растерянно осматривалась вокруг в поисках кого-нибудь, кто мог бы избавить ее от неловкого одиночества, так что когда я заговорил с ней, она откликнулась почти с благодарностью и сама предложила мне занять место рядом с ней.

Как и я, она очутилась здесь случайно и чувствовала себя чужой на этом празднике. Мы с легкостью разговорились, и тут я понял, что она была на редкость внимательной собеседницей. Рассказывала о себе самую малость, только то, чего требовал вопрос, и незаметно переводила разговор на меня, спрашивая «а вы как думаете? У вас тоже так было? По-вашему, это плохо?» А как она слушала! Заинтересованно, без тени кокетства, забыв об угощении и обо всем вокруг, обдавая меня прямым и немного детским взглядом своих чудесных огромных глаз; я и сам не заметил, как втянулся в беседу и стал с жаром говорить ей о чем-то. Как раз в такой момент к нам подошел мой друг.

– О, я вижу, ты попал в надежные руки. А еще не хотел идти! Теперь ты снова мой должник, – шутливо сказал он мне и обратился к Алине со всей серьезностью, – еле заставил его прийти сюда. Вы не смотрите, что он тут шутками сыплет. Это он так, бодрится. Вы уж, пожалуйста, позаботьтесь о нем, не оставляйте его одного. Ему сейчас как никогда нужна женская забота.

– Почему? – так же серьезно спросила его она.

– Он не сказал вам? От него только что ушла жена.

Так, с первых минут нашего знакомства Алина узнала обо мне всю правду.

Мой развод с женой, с одной стороны, был мне на руку и прибавлял очков в глазах Алины: мужчина, имевший опыт семейной жизни, всегда смотрится выигрышней, чем тот, что ходил бобылем. С другой, доставлял некоторые неудобства. Алина оказалась чуть взрослее, чем я подумал – ей было двадцать семь, мне только что исполнилось тридцать девять. По мне, так разница несущественная, однако Алина трактовала ее по-своему. Она все время сравнивала себя с моей теперь уже бывшей женой, и часто ей казалось, что она не так хороша, как жена, что ей недостает опытности, веса в глазах окружающих, успешной карьеры за плечами. Это было абсолютной неправдой, и я ни разу не давал Алине повода думать в таком ключе, однако временами на нее что-то находило, взгляд у нее тускнел, глаза опускались и грустнели, и как ни старалась она придать себе обычный вид, не получалось. В голове у нее поселилась неизвестно откуда взявшаяся мысль о том, что она не сможет составить конкуренцию моей бывшей жене и рано или поздно это отворотит меня от нее. В такие минуты бесполезно было переубеждать ее в обратном.

Наверно, свою роль сыграло и то, что мы довольно много времени проводили среди моих друзей. Алина долго не торопилась вводить меня в свой круг, по-видимому, опасаясь, какое впечатление я произведу на ее знакомых, я же сразу представил ее всем и всюду брал ее с собой. Отчасти я делал это, потому что мне этого хотелось – не то чтобы меня сразила любовь с первого взгляда, но я быстро понял, что хочу быть с Алиной, и, не раздумывая, впустил

ее в свою жизнь; отчасти из-за того, что этому ничто не препятствовало, и я не испытывал угрызений совести, ведь моя бывшая жена тоже устраивала свою жизнь с новым кавалером.

Алину приятно удивляла такая моя решимость, у нее не было причин сомневаться в серьезности моего отношения к ней, однако ей все время приходилось сталкиваться с невидимым присутствием моей жены: кто-нибудь в разговоре нет-нет, да и произнесет ее имя. Оно и понятно, мы прожили столько лет, что я не мог требовать от друзей не вспоминать о ней и вычеркнуть ее из нашего общего прошлого. Но Алина чутко реагировала на всякое упоминание о моей прежней жизни, и почему-то – я никак не мог взять в толк, почему, – все, связанное с бывшей женой, она воспринимала как упрек в свой адрес. Зайдет речь об отдыхе, и кто-нибудь вспомнит невзначай, как весело мы проводили зиму, катаясь в горах, так Алина всю ночь не уснет, расстроенная тем, что не умеет стоять на лыжах. Услышит она в разговоре, что жена моя понимала по-турецки, и станет переживать, мол, она-то и английский никак не выучит. Поначалу я ошибочно считал, что таким способом она желает добиться от меня комплиментов, только и всего, пока не увидел, что она огорчается всерьез. Кто-то из друзей, вернее, их спутниц, однажды обмолвился при ней, что моя бывшая жена отлично готовила и что я якобы жить не мог без ее ужинов. Это было так давно, что сейчас не имело для меня никакого значения, но Алина уже взялась за дело, и остановить ее я не мог: она с головой погрузилась в кулинарные книги. По утрам теперь меня ждал завтрак, вечерами ужин. Однажды, вернувшись с работы, я застал ее в слезах, а квартиру – в дыму от подгоревшей еды, которой пахло еще за дверями, на кухне я увидел гору перепачканной посуды и большой квадратный противень с тем, что должно было стать лазаньей. Я с трудом успокоил Алину и уговорил ее отправиться со мной в ресторан, где мы чудесно поужинали, заказав лазанью у Николо, итальянского шеф-повара, в тот вечер как раз оказавшегося на своем посту. С тех пор так и повелось; каждый раз, когда Алине не удавалось какое-то блюдо, я скорее хватался за телефон, чтобы заказать нам столик у Николо.

Напрасно я объяснял ей, часами напролет, что полюбил именно ее и совсем не хотел бы, чтобы она становилась похожей на кого-то другого. Признаться, я вообще не мог понять причину ее переживаний – с ее-то молодостью, обаянием и душевными свойствами, которые так восхищали меня в ней, зачем ей было что-то в себе менять, да еще так мучительно? Однако в такие дни Алина словно не слышала меня, она находилась под воздействием какой-то собственной идеи, и я ничего не мог ей доказать. Я даже подумывал про себя, что это была, возможно, какая-то необъяснимая, неосознаваемая ею тяга к самобичеванию, а жена моя была лишь предлогом. Как бы там ни было, единственная размолвка, которая между нами произошла, случилась именно из-за моей жены. Это было на второй месяц наших с Алиной свиданий. Как-то вечером она пришла ко мне погасшая, молчаливая. Мы ужинали в ресторане, и она едва не роняла слезы в тарелку. Я не успокоился, пока не выведал у нее всего. Оказалось, она услышала от кого-то, что свадьба моей бывшей жены отменяется, и решила, что та вернется ко мне. Что я должен был на это ответить?

Откуда она вообще об этом узнала, если даже я, к примеру, ничего такого не слышал? Оказалось, она нарочно выуживала новости у одной нашей знакомой, которая продолжала близко дружить с моей бывшей женой. Почему она решила, что я захочу сойтись с женой? Ей намекнула на это другая приятельница.

– Зачем ты слушаешь их? Неужели ты не понимаешь, что я хочу быть с тобой? – воскликнул я. – Если бы я хотел быть с ней, я бы был с ней. Но я с тобой, какие еще доказательства тебе нужны? И почему я все время должен оправдываться, как будто в чем-то виноват?

Мы поссорились. Я попросил счет и уехал, оставив ей деньги на такси. Два дня мы провели раздельно, на третий Алина позвонила мне и тихим взволнованным голосом попросила о встрече. Мы помирились сразу, как только увидели друг друга. Она снова плакала, теперь уже от радости – она не на шутку перепугалась, от переживаний не могла ни есть, ни спать, вся

дрожала и выглядела бледной и слабой, только глаза казались еще больше на белом как бумага лице. Я просил ее верить мне. Она согласно кивала. Я спросил, не пора ли нам перевезти ко мне ее вещи. Она снова расплакалась и, счастливая, упала в мои объятия.

И все-таки в нашей ситуации были и свои плюсы. Опыт семейной жизни научил меня азам обращения с женщиной, которые хорошо известны каждому мужчине, намеревающемуся прожить с женой если не в любви, то, по крайней мере, в мире. Я не забывал хвалить Алину и никогда не делал ей замечаний напрямую. Когда мне хотелось о чем-то попросить ее, я всегда начинал с комплимента и говорил «ты так хорошо это умеешь, сделай, пожалуйста, так же», и она с радостью делала; если я видел, что она собралась к гостям в вызывающем наряде, я не восклицал «ты с ума сошла?! Я запрещаю тебе идти в таком виде!», а просил как можно более непринужденным тоном «мне так понравилось на тебе то зеленое платье, ты не наденешь его сегодня?», и она с радостью переодевалась. Видя, что она долго собирается к выходу, я планировал время с учетом лишних сорока минут и не торопил ее – и она была мне за это благодарна. Что бы она ни готовила, я не отказывался пробовать, мужественно выдерживая все ее кулинарные опыты; какую бы прическу она себе ни придумывала, я заверял ее, что она выглядит прекрасно, и о чем бы она ни рассказывала, я слушал ее, не прерывая. Зная, что всякой женщине приятно, когда мужчина старается ей угодить, я, когда мы планировали что-либо, всегда предлагал Алине два-три варианта на выбор и оставлял последнее слово за ней. Хочет она отправиться за покупками завтра или через неделю? Или она уже передумала ехать? Хочет она, чтобы мы приняли приглашение и пошли в гости или отказались и провели весь день вдвоем? Это приводило Алину в особенный восторг. Создавалось впечатление, что она все решает за нас двоих, а я лишь покорно исполняю ее желания. Часто она не знала, что выбрать, и растеряно спрашивала:

- Ты что, правда позвонишь им и откажешься?
- Правда.
- А они не обидятся? Это же твои друзья.
- Пусть знают, что ты для меня важнее.
- Ну, не знаю... Неудобно как-то. Давай, наверно, пойдем.
- Хорошо, пойдем.
- Нет! Лучше останемся.
- Хорошо, останемся.
- Нет, подожди-ка...

Секрет был в том, что я, конечно же, заранее заботился о том, чтобы оба варианта меня устраивали. Не бог весть какая мудрость, но очков в глазах Алины мне прибавляла. В сравнении с пареньком, ее ровесником, с которым у нее был более или менее серьезный роман до встречи со мной, я казался ей идеальным спутником жизни. Если тот без конца поучал ее и был вечно недоволен, то я не уставал восхищаться ею; я слышал, как, говоря обо мне кому-то, она часто повторяла, что я покорила ее не цветами и не подарками, хотя это тоже ей было приятно, а тем, что не пытаюсь переделывать ее. «Понимаете, он принимает меня такой, какая я есть», говорила она. Не знаю, был ли я и в самом деле так уж хорош, но я полюбил Алину всей душой и старался, чтобы со мной она чувствовала себя счастливой. А с тех пор, как мы договорились ехать к сестре и наше путешествие было делом решенным, счастье так и лилось из Алины – она как на крыльях летала.

Я отдавал себе отчет, что значит для нее эта поездка. Представить меня сестре было для нее важнее, чем познакомить меня с будущей тещей – я уже убедился в том, насколько она дорожила мнением сестры. Несомненно, это влекло за собой известные обязательства и с моей стороны, ведь, соглашаясь на эту поездку, я ставил себя в положение жениха, и, хотя мы еще не говорили об этом вслух, было очевидно, что дело идет к свадьбе и предложение руки и сердца уже не за горами. Удивительно, но с Алиной меня не пугало даже возможное

появление детей. Не то чтобы я стал вдруг мечтать об этом, нет; но все чаще я думал о том дне, когда Алина сообщит мне, что беременна, я представлял себе ее, округлую и пополневшую, и нашего маленького ребенка, почему-то девочку, с такими же, как у Алины, чудесными глазами в пол-лица и копной густых волос на голове, и не без удовольствия отмечал про себя, что мне нравится размышлять об этом.

Все это – предстоящее путешествие и перемены, очевидно последующие за ним, – наполняло Алину радостным волнением, от которого она теряла голову и становилась смятенной, порывистой и оттого еще более очаровательной. Я же отправлялся в путь с спокойным и приятным осознанием того, что жизнь моя делает новый поворот. Тогда я и представить себе не мог, чем обернется эта поездка.

* * *

Лия сама встречала нас в аэропорту. Когда Алина с визгом кинулась на шею какой-то маленькой темненькой женщине, стоявшей в толпе, я не понял, была ли это ее сестра или кто-то другой. Алина, в своих босоножках на толстой пробковой платформе, казалась в два раза выше нее; она сгребла женщину в охапку, так что та оказалась целиком спрятанной у нее на груди, и не отпускала, раскачиваясь из стороны в сторону и приговаривая:

– Как же я по тебе соскучилась!

Наконец женщина выбралась из Алиных объятий, поправила прическу и посмотрела на меня. Алина спохватилась, как будто до этого напрочь обо мне позабыла, и произнесла, почему-то вдруг смутившись:

– Ну вот... Это вот... Ну, Алеша, про которого я тебе говорила...

– Алексей, – представился я сам.

– Лия, – твердо произнесла маленькая женщина и протянула мне ладонь.

Вряд ли мне удалось тогда скрыть свое удивление. Поняв, что это и есть сестра Алины, а не кто-нибудь еще, я с изумлением уставился на нее. Хоть я всегда знал, что Алина преувеличивает, расписывая сестру в лучших красках, я, тем не менее, не рассчитывал увидеть женщину настолько обыкновенную и, судя по внешности, весьма далекую от всего того, что я о ней слышал. Первое, что приходило в голову, когда я смотрел на нее, – в ней не было ничего примечательного. Обычная темноволосая женщина лет сорока, очень маленькая, очень худенькая, почти как мальчик; лицо смуглое, но не от загара, а от естественного желтоватого тона кожи, слегка как будто болезненного, одета в рубашку и брюки самой невыразительной расцветки, на ногах простые сандалии на плоской подошве, какие летом можно встретить на каждом. Невозможно было вообразить себе внешности более заурядной, в особенности здесь, в аэропорту, среди толпы приезжих и встречающих, в большинстве своем испанцев, таких же, как она, смуглолицых и черноволосых. Отвернись я на минуту, я бы не вспомнил ее лица и с легкостью принял бы за нее кого-то другого.

Глаза мои наверняка выдавали мои чувства, я смотрел так, словно ожидал увидеть перед собой другого человека. Женщина тоже глядела на меня изучающе.

– Ну что, идемте? – поторопила нас Алина.

Мы вышли на улицу. У машины нас ждал коренастый мужичок с лысой головой. Еще издали окинув нас пристальным взглядом, он неторопливо потушил сигарету и открыл багажник.

– О, Мишаня! Привет, – Алина весело чмокнула его в щеку.

– Здорово, – равнодушно ответил тот и поднял чемоданы в машину.

Мишаней звали мужа Лии. Я слышал о нем от Алины, которая описывала его то с восторгом, то с неудовольствием. С одной стороны, она восхищалась им, как и всем, что имело отношение к Лии, с другой, порой вдруг презрительно морщилась, показывая, что он все-таки

недостойн ее сестры. Из ее рассказов я знал, что история их отношений с Лией была крайне запутанной; он долго добивался ее, ведя борьбу с другими ухажерами – и это почему-то особенно нравилось Алине – впоследствии, уже получив согласие и женившись на ней, страдал от ревности – как уверяла Алина, беспричинной – и, случалось, выпивал, мучился сам и изводил домашних. У них родилось двое детей, оба мальчуганы, в которых Алина не чаяла души. Особенно близка она была со старшим, Темой, которого помогала воспитывать с самого рождения. Никто в точности не знал, чем занимался Мишаня. Кажется, он держал контору при одном известном банке, и, я догадывался, проворачивал разного рода дела. В семье было принято считать, что Мишаня работает в банке. Во всяком случае, он всегда сполна обеспечивал жену и детей, Лия за все годы ни дня не работала и ни в чем не знала отказа, теща тоже жила при них и ни в чем не нуждалась, и это вызывало особенное уважение в глазах Алины. Мишаня был для нее кем-то вроде киногероя из неведомой ей, пугающей и одновременно притягательной мужской жизни, в которой есть какие-то мужские дела, большие деньги, дорогие автомобили, и даже, наверное, пистолеты. Когда было решено переехать в Испанию из-за слабого здоровья младшего мальчика, Мишаня остался работать в Москве и бывал в испанском доме наездами. Я не знал, приедет ли он в Барселону в эти дни, да и Алина ничего об этом не знала. Она спросила как-то сестру, но и та, кажется, не была осведомлена о планах мужа. Похоже, он не ставил никого в известность и предпочитал оказываться дома неожиданно, нагрянув сюрпризом.

Мишаня пожал мне руку и пробуравил колючим давящим взглядом, как будто хотел прочитать на моем лице всю мою жизнь. Я сразу подумал, что он совсем не похож на банковского служащего. Скорее, на бандита, а точнее, на человека, который связан с криминальным миром, но старается это скрывать. Была в его глазах какая-то нагловатая неинтеллигентная сила и желание сходу пригвоздить, хотя бы взглядом, чтобы показать, кто тут главный. Казалось, кулаки его всегда были наготове, и он едва сдерживал себя, чтобы не ударить. Он был небольшого роста, заметно ниже меня, зато мускулист, торс у него был тяжелый и оплывший, как у человека, который когда-то всерьез занимался боксом или борьбой, но теперь забросил. Если бы он был одет в спортивные штаны и майку, то, со своей борсеткой в руках и неприветливым лицом, походил бы на типичного русского, из тех, что сорят деньгами, выгуливая в европейских магазинах и ресторанах своих длинноногих подруг, и над которыми так любят посмеиваться иностранцы. Но на Мишане были брюки со стрелками и летний хлопковый пиджак, под ним футболка, совершенно новая, только что купленная, с резкими складками крест-накрест на самом видном месте, на ногах остроносые ботинки, и, в довершение всего, неширокий поло-сатый шарф из легкой бело-голубой ткани, перекинутый вокруг шеи одним концом назад. Этот его наряд, странный, как будто снятый с чужого плеча и претендующий на какой-то шик, решительно не вязался с его короткой бычьей шеей и враждебным взглядом.

Мы уселись в машину. Это был новенький минивэн, не слишком просторный для нашей большой компании, но очень уютный внутри, обтянутый мягкой кожей. За руль села Лия. Рядом с ней на переднем сиденье уселся Мишаня. У него, не переставая, звонили телефоны. Он отвечал отрывисто, властно, вдавливая каждое слово в телефон, иногда взрывался и переходил на ругань, лицо его после таких звонков хмурилось, он вздыхал, тер ладонью лоб, отворачивался к окну и о чем-то думал. С женой он почти не разговаривал, разве только подсказывал дорогу, отрываясь на мгновение от телефона и тыча перед ней пальцем в лобовое стекло. Она тоже никак не реагировала на эти его разговоры, ни о чем его не спрашивала. Наверно, не хочет говорить при посторонних, решил я, не зря же Алина считает сестру самой мудрой женщиной на свете. Но потом подумал, что, скорее всего, это не так. Сестры беспрестанно о чем-то болтали и смеялись, в особенности Алина; сидя со мной на задних сиденьях, она вся подалась вперед, обхватила руками спинку кресла перед собой и сидела так, заглядывая сбоку в лицо сестры. Они говорили о своем и не обращали никакого внимания на Мишаню, который все чаще повышал голос и рычал, отчитывая кого-то по телефону.

Теперь я мог рассмотреть получше Лию. Одной рукой она держала руль, другой оперлась локтем о спущенное окно и то высовывала ее наружу, подставляя ладонь встречному ветру, то клала себе на плечо и теребила волосы у шеи так, что ее кисти с длинными худыми пальцами то и дело оказывались у меня перед носом – она, несомненно, знала, что я стану разглядывать ее. Первое удивление прошло, и, глядя на нее сейчас, я не мог не признать, что лицо ее было по-своему интересно. В зеркале мне хорошо был виден удлинённый профиль, низкий нос с горбинкой, четко очерченная линия аккуратного рта. Глаза у нее были такие же точно, как у Алины – по ним я сразу мог бы сказать, что они родня, только человеку незнакомому, со стороны, этого не было видно: из-за черного карандаша и пышной туши, с которыми Алина не расставалась даже в самолете – я никак не мог побороть в ней этой привычки – глаза у нее были чрезвычайно яркими, мгновенно приковывавшими внимание, а у Лии, не пользовавшейся краской, они казались другими, не столь большими, приглушенными, с поволокой, такими они были у Алины, когда она просыпалась по утрам, и такими я любил их больше всего.

На первый взгляд Лия была как будто похожа на испанку. И не только из-за черных волос и черных глаз, весь ее облик был какой-то иностранный, европейский: на лице ни грамма косметики, на руках никакого маникюра, коротко подстриженные волосы небрежно завиваются на концах и то и дело падают на глаза. Но приглядевшись внимательнее, в ней можно было уловить черты вовсе не европейские – слишком вытянутая форма головы, слегка выдающаяся вперед челюсть, заметные скулы, – и я подумал, что в ней, в отличие от Алины, проявилась кровь их не то мордовской, не то карельской прабабки.

Если бы я не знал от Алины, сколько ей лет, то едва ли определил бы ее возраст. Ей могло быть как тридцать пять, так и все сорок пять, на лице ее не угадывалось слишком очевидных следов возраста, во всяком случае, мне, мужчине, их не было видно, и в то же время чувствовалось, что это было лицо зрелой женщины. Главным его достоинством была, несомненно, улыбка: в ней открывались мелкие округлые горошины белоснежных зубов, сверкавших как нитка жемчуга и придававших ее облику свежесть и озорство.

Кроме глаз, во внешности сестер не было ничего общего, они совсем не были похожи между собой. Лия вся была тонкая, бледная, прозрачная почти до измождения – розовощекая Алина по сравнению с ней так и пылала здоровьем; выражение лица у Лии было вежливым, но безучастным, как бывает у женщин, с годами утомившихся от жизни и давным-давно позабывших о радости и о веселье – Алина же вся светилась от счастья, в ее чертах не было утонченности и аристократизма, как у сестры, зато читалась молодость и крепкая девичья красота. Наряженная, накрашенная, блистательная, словно ехала с бала, а не с самолета, с локонами черных волос, тщательно завитыми и уложенными один к одному, с алыми ногтями на руках и ногах, Алина огулшала своей красотой – Лия на ее фоне казалась неслышной и незаметной. Но, несмотря на это, старшая сестра вовсе не чувствовала себя в проигрыше, совсем наоборот. Ее естественный, неприкрашенный вид весьма соответствовал ее уверенной манере держаться; я и так хороша, словно говорила она всем своим обликом и, мне показалось, с усмешкой смотрела на броскую матрешечную красоту Алины.

Лия сразу произвела на меня впечатление человека закрытого, я бы даже сказал, себе на уме. Я испытывал нечто вроде беспокойства за Алину, зная ее простодушие и наивную доброту. Она нисколько не задавалась, не кичилась перед сестрой своей юностью и красотой и, по-моему, даже не осознавала этих своих преимуществ; вся она словно бы отдавалась сестре, подчинялась ей и вела себя, на мой взгляд, как-то даже подобострастно – слишком уж преданно заглядывала в лицо сестре и ловила каждое ее слово. А говорила Лия сдержанно, немногословно, растягивая слова певучим, монотонным голосом, от которого меня клонило в сон. По ее глазам невозможно было догадаться, что она думает. О чем бы ни шла речь, лицо ее сохраняло одно и то же выражение, вежливое и чуть отстраненное, как будто бы все это ее не касалось, и ее мысли были заняты другим. Мне показалось, что она смотрит на всех нас

иронично, чуть свысока. У меня также складывалось впечатление, что гости были ей сейчас ни к чему, вид у нее был такой, словно она была здесь против своей воли, и я удивлялся про себя, почему Алина уверяла меня, что сестра ждет нас и давно просит приехать погостить. Может, что-то изменилось за это время? Или, приехав раньше, мы все-таки нарушили ее планы? Чем больше я наблюдал за Лией, тем яснее чувствовал: что-то здесь не так. Учивость, с которой она обращалась ко мне время от времени, как и подобает хозяйке, только убеждала меня в том, что ее угнетали какие-то свои мысли. Алина же продолжала вести себя как ни в чем не бывало и как будто не замечала, что сестра выглядит так, будто отбывает повинность, а не встречает долгожданных гостей.

Мы уже проехали не меньше четверти часа, когда Алина, повернувшись ко мне, сказала: – Ах, да, я забыла сказать тебе, мы сейчас едем не домой...

И я узнал, что наши планы поменялись во второй раз. По какой-то причине Лия и Мишаня решили провести время с нами, отдельно от детей, мам и нянь, и повезти нас на несколько дней в горы, и уже потом вернуться в Барселону и побыть в их доме со всей семьей. Я не понял, делали ли они это ради нас, как хотелось думать Алине, или решили воспользоваться случаем и отдохнуть вдвоем, подальше от домашних. Впрочем, мне это было неважно. Так даже лучше, подумал я, ведь мне с самого начала не хотелось останавливаться в их доме.

Мы выехали из города и стали подниматься наверх. Остались позади городские окраины, похожие друг на друга жилые дома и длинные, без окон без дверей промышленные здания; кругом зазеленело, зацвело. Дорога пошла серпантинном. Посреди густых холмов вспыхивали полянки, сплошь усеянные мелкими желтыми цветами. Чем выше, тем гуще становилось это желто-зеленое буйство, залитое широким июньским солнцем. Алина ахала, подпрыгивала на месте и кидалась от окна к окну, показывая пальцем то в одну сторону, то в другую. Я разделял ее чувства, здесь и впрямь было красиво.

Так мы ехали еще около получаса. От высоты закладывало уши и шумело в голове, я почти не слышал, о чем переговаривалась с сестрой Алина, меня охватывала дремота, и я отключился бы, если бы не хотел есть. Машина шла все круче, дорога становилась узкой и местами поворачивала так резко, что Алину кидало из стороны в сторону. Она смеялась и то падала в мои объятия, то с визгом отлетала в противоположный угол и протягивала мне оттуда руки. Лия с улыбкой поглядывала в зеркало на нашу возню и продолжала вести уверенной рукой, видно, ехала здесь не в первый раз. Мишаня ни на что не реагировал, пейзажи за окном его не увлекали, он беспокоился из-за связи, которая стала прерываться, и пытался дозвониться до кого-то, пока телефоны не отключились окончательно.

На мое счастье, мы подъехали к переезду, где на возвышенности стояло придорожное кафе. Не успел я попросить Лию притормозить, как она сама произнесла медленным и назидательным голосом, каким разговаривают взрослые с детьми:

– Кому-нибудь надо остановиться, руки помыть?

– Надо, надо! – тут же откликнулись мы с Алиной.

Лия повернула на стоянку.

– Мы бы перекусили, – уточнил я.

– Вы что, проголодались?

– Ой, да, Лиечка, мы ужасно проголодались, – ответила Алина. – Здесь можно поесть?

Тут вдруг включился Мишаня:

– Правда, Лия, пошли поедем что-нибудь. Что мы их голодными возим с дороги?

Лия пожала плечами:

– Хорошо. Пойдемте.

Когда мы вышли из машины, я снова отметил, какой маленькой она была; на фоне всех нас – и своего тяжеловесного мужа, и высокой, крепко сложенной Алины, и меня – она казалась особенно хрупкой. В кафе не было ни единого посетителя. За прилавком стояла круглая

женщина в чепце, не понимавшая ни слова по-английски. Объясняться пришлось при помощи Лии, которая единственная из нас четверых говорила на испанском.

– Давайте сядем на веранде. Поедим на свежем воздухе, – предложила она и повела нас на улицу.

Веранды здесь не было. Прямо на траве стоял один-единешенек пластиковый столик со стульями. Лия по-хозяйски уселась первой, я подвинул стул Алине, и она, поеживаясь от холода, устроилась рядом с сестрой. Я посмотрел вокруг. Долина под ногами простиралась далеко вперед, со всех сторон холмы. Температура заметно снизилась, солнце хоть и светило по-прежнему ярко, тепла не давало. Облака, которых в Барселоне не было и в помине, здесь висели низко, прямо над головой, цепляясь за острые зеленые вершины. От земли поднималась влага, пахло сыростью. Я глянул на Алину. Одета в одно только коротенькое платьице без рукавов, с голыми ногами, в своих высоких босоножках на каблуках, она вся сжалась в комочек, но виду не подавала и восторженно оглядывалась вокруг, любуясь долиной и холмами. Я увидел, что на Лии теперь была надета теплая кофта. Сняв с себя толстовку, которую всегда брал с собой в самолет, я накрыл ею Алину. Она схватилась за нее обеими руками и с благодарностью подняла на меня глаза:

– А как же ты?

В эту минуту из дверей вышел Мишаня. Он застыл с подносом еды в руках, а потом громко выругался.

– Ну и холод тут на этой вашей веранде. Как вы тут сидеть собираетесь?

Развернулся и ушел обратно. Я пошел за ним. Мы поели внутри, в тепле.

Мы долго ехали. Погода совсем испортилась. Небо затянуло, заморосил дождь. Алина жалась ко мне и, я видел, начинала засыпать, отогревшись в теплой машине, я тоже держался из последних сил, чтобы не задремать. Наконец мы свернули с дороги и остановились перед шлагбаумом. Лия посигналила, но никто не появился. Вокруг не было видно ни души. Сразу за шлагбаумом начиналась дорожка к высокому холму с маленькими деревянными домиками, серыми от дождя, над ними хмуро клубилось небо. По другую сторону лежало поле с некошеной травой. Что за глушь, подумал я, оглядываясь из окна. Алина тоже встрепенулась, скинула с плеч мою толстовку, посмотрела в окно, на меня и, словно прочитав мои мысли, произнесла:

– Здесь должно быть очень хорошо. Посмотри, какая природа!

– Да? – усомнился я.

– Конечно! Вот увидишь. Лия уже была здесь в прошлом году, и ей очень понравилось, да, Лий?

Лия будто не слышала сестру.

Мишаня потянулся к рулю и яростно посигналил долгим требовательным гудком. Потом с силой вдавил кнопку и держал палец, не отрывая. Все бесполезно.

– Подошли они все там что ли, – буркнул он и выскочил из машины, хлопнув дверцей.

Мы трое смотрели, как он ринулся к сторожке, дернул запертую дверь, постучал в нее кулаком, обошел со стороны, оглядывая окна, потом повернулся к нам и заорал, обращаясь к жене:

– Ну чего ты там сидишь? Здесь нету никого. Звони давай! Номер их у тебя есть, я надеюсь?

Меня поразил его грубый и нетерпеливый тон, и я подумал, что нас, похоже, ожидает семейный скандал. Но Лия ничего не ответила, взяла телефон и стала звонить. Я вопросительно глянул на Алину, что происходит? Она, изумленная еще больше, только плечами пожала.

Мишаня вернулся к машине.

– Ну что?

– Ничего, – певуче протянула Лия и посмотрела на него своими спокойными и непроницаемыми глазами.

– Что, ничего? – раздраженно рявкнул он.

– Ничего. Никто не отвечает.

– Отлично! Ты же сказала, что обо всем договорилась, разве нет?

Она промолчала.

– Лия, ну ты как всегда! Ты звонила им или нет вообще?

– Звонила.

– И что? С кем ты говорила?

– С одной синьорой. Вот у меня ее имя записано.

– Ну так звони давай этой своей синьоре!

– Я и звоню.

– И что?

– Она не снимает трубку.

– Не умерла же она, пока мы ехали сюда!

Он грохнул дверь, постоял немного под дождем, сжав кулаки, и двинулся наверх по дорожке.

Казалось, никто нас здесь не ждал. Я пытался разглядеть что-то сквозь стекла запотевающих окон, не решаясь выйти под дождь. Алина ерзала на сиденье, бросая беспокойные взгляды то на меня, то на сестру, оттирала пальцами влагу от окна и тоже вглядывалась в улицу, ища глазами кого-нибудь живого, но за окном было пустынно и печально. Лия, в отличие от нас, сидела, не шелохнувшись, задумчиво откинув голову и глядя в окно. В зеркале отражалось ее спокойное тихое лицо, и я снова подумал, что ее, очевидно, занимают какие-то иные мысли. Вдруг она спросила, не поворачиваясь ко мне и не меняя позы:

– Вам нравится такая погода, Алексей?

– Такая погода? Вы имеет в виду дождь?

– Нет, не дождь, – пропела она своим тянущим мелодичным голосом.

Мы с Алиной переглянулись.

– Честно говоря, я рассчитывал на лето. У нас в Москве жара уже стоит.

– Да, Лий, – подхватила Алина, – я тебе говорила, я летние вещи в этом году еще в мае достала.

Лия медленно произнесла, по-прежнему глядя не на нас, а куда-то далеко:

– Ненавижу жару. Я люблю вот такую погоду. Это небо...

Эти тучи... И этот туман... В нем можно потеряться... Вы знаете, какой сейчас воздух?

Не дожидаясь ответа, она нажала на кнопку, и стекло с ее стороны неслышно уплыло вниз.

– Лий, ну ты что! Холодно же! Лиечка! – замахала руками Алина. – Закрой скорее! Мы тут еле-еле согрелись.

На дорожке оказался Мишаня. За ним семенил мужичок в резиновых сапогах и плаще с капюшоном. Он поднял шлагбаум, впустил нас и стал взбираться обратно. Мы двинулись за ним на машине.

Дома стояли на четырех уровнях. Лучшими считались верхние, из которых открывался просторный вид на горы. Сами домики были все как один, деревянные, простые и тесные, обставленные только самым необходимым.

– Хотите поселиться вместе? – спросил мужичок в сапогах, обведя рукой нас четверых и показывая один палец, имея в виду один дом на всех.

– А что, отличная идея! Давайте! Давайте вместе! – воскликнула Алина.

– Тогда я покажу вам большой дом, – сказал мужичок и повел нас за собой, звеня связкой ключей.

Он открыл дверь и пригласил нас внутрь. Алина заскочила первой, я пропустил Лию и зашел вслед за ней. Здесь были две малюсенькие комнатки с низкими кроватями и вешалками для одежды, кроме них только кухонная плита, немного посуды в шкафу, здесь же стол из досок и углом к нему две деревянные лавки, рядом душевая кабина, в которую можно было втиснуться разве что боком.

– И он предлагает нам четверым тут жить?! – удивился я.

– Да, а что такого? – ответила Алина.

Я не мог поверить в это и, повернувшись к мужичку, попытался выяснить у него, не ошибся ли он и действительно ли это самый большой дом, который у них имеется. Он кивал. Я показал пальцем по очереди на каждого из нас и снова спросил, как, по его мнению, мы должны уместиться здесь все четверо? Мне казалось, он не понимал меня, но нет, он показал двумя пальцами одной руки на одну комнату, двумя пальцами другой на вторую, мол, двое сюда, двое туда.

– Ага, – усмехнулся я, – а есть мы по очереди будем? – и показал на узкие лавки и стол, за который я и один с трудом бы влез.

Лия смотрела на все, не произнося ни слова. Мишаня вообще не заходил внутрь и ждал на улице. Только Алина с любопытством ходила по дому, заглядывала в комнаты и открывала шкафы, глаза ее горели.

– Лия, иди сюда, посмотри! Вы с Мишаней здесь можете спать. А мы с Алешей вон там. По вечерам будем ужинать вместе! Здесь как раз четыре места. Ой, Лий, смотри, и посуда есть! Можно готовить. Занавесочки какие смешные! Мне здесь нравится!

– Мы не поместимся здесь вчетвером, – сказал я.

Алина оторопело посмотрела на меня.

– Нам надо два таких дома, – объяснил я.

Она сделала круглые глаза:

– Алеш, можно тебя на минутку? – и пошла на улицу.

– Что? Я что-то не так сказал?

Она отошла в сторону и заговорила вполголоса, чтобы не слышал Мишаня:

– Что ты выдумываешь, какие два дома?

– А что? – я искренне не понимал, чем она недовольна. – Возьмем два дома рядом. И будем ходить друг к другу в гости.

– Лия уже жила здесь раньше, она лучше знает.

– При чем тут это? Мы с тобой вдвоем еле поместимся в этих комнатках! Ты душевую видела? А кровать во второй комнате? Никто не сможет спать на ней, это, наверно, кровать для ребенка!

Алина опасливо оглянулась:

– Тихо! Не кричи.

– Да я вроде бы не кричу.

– Возьмем один дом на всех, – упрямо сказала она.

– Зачем, ты можешь мне объяснить?

– Затем.

– Послушай. Ты можешь понять, что мы не поместимся там? Сейчас я занесу наши чемоданы, и все. Ребятам придется стоять на улице, ждать, пока мы распакуем вещи...

– Алеша! – она топнула ногой. – Не спорь! Возьмем один дом, как решили.

– Кто решил?

Алина бросила на меня гневный взгляд. Что это с ней? Я ничего не понимал.

– Ну ладно, как хочешь, – сказал я. – Только я на той кровати спать не буду.

– Алеша!

Из дома показалась Лия.

– Ну? Что решили? – спросил Мишаня.

Лия пожала плечами и вопросительно посмотрела на нас. Алина замялась, посмотрела на меня, на сестру, и робко предложила:

– Может, возьмем два домика рядом? Будем в гости друг к другу ходить...

– Да? – Мишаня посмотрел на жену.

Лия снова пожала плечами, мол, делайте, как хотите.

– Ну ладно. Два, значит два.

Я собрался спуститься в сторожку вместе с ним и заплатить поровну, тем более что он, возможно, рассчитывал арендовать только один дом, но он быстро остановил меня:

– Не надо. Успеешь еще кошельком помахать.

И добавил со странной усмешкой, глядя на жену:

– Да, Лия?

Мы кое-как расположились. Я сразу включил обе электрические печи, которые здесь были, одна стояла в комнате, другая на кухне, и отправил Алину в душ, согреться – от холода ноги у нее уже онемели. В комнате, где не было печи, решили устроить гардеробную и разложить вещи, впрочем, тут же стало очевидно, что чемоданы наши можно и не разбирать, одежды на такую погоду у нас не было. Мы с тоской поглядели на стопку веселеньких пляжных вещей, которые набрали с собой, собираясь на море. Особенно плохи дела были с Алининой одеждой, в ее чемодане лежали сплошь летние платья и юбки.

– Ничего, – сказала она, – придумаем что-нибудь.

Я выудил пару своих футболок с длинным рукавом и протянул Алине:

– На, надевай поверх своих.

– Зачем, Алеш...

– Бери, и баста.

Она нехотя согласилась.

– Может, ты попросишь что-нибудь у сестры? – предложил я. – Она-то, наверно, собралась сюда как следует. Пусть даст тебе теплую кофту и какие-нибудь спортивные брюки. Иначе ты тут простудишься в два счета.

– Да ну, – махнула она рукой.

– Иди попроси. У тебя же ничего с собой нет для такой погоды.

– Не хочу, – не соглашалась она. – Да и размеры у нас разные, я все равно в ее вещи не влезу.

Я не разделял ее беспечности. За окном, не прекращая, моросило, и небо, казалось, уже не разойдется до самой ночи.

– Тогда придется найти магазин и купить тебе что-нибудь теплое.

– Да ты что? – запротестовала она. – Еще чего! Не надо мне ничего покупать!

– А в чем ты собираешься ходить? Вот в этом? – я показал на разноцветные ленточки от купальников в ее чемодане.

– Мы же на машине будем ездить, а не пешком ходить! Я не успею замерзнуть. Не надо никаких магазинов!

– Если бы мы приехали на одну ночь, то да. Но ты же говоришь, мы пробудем здесь пару дней?

– Я так подумала.

– Подожди, так на сколько дней мы все-таки приехали?

– Я не знаю.

– Не знаешь?

– Да какая разница?

– Как это? Разница большая.

– И какая же? – Алина уже не могла скрывать раздражения.

– Во-первых, я просто хочу знать, на сколько мы здесь. Во-вторых, если мы здесь на несколько дней, то завтра утром мы первым делом поедem в магазин и купим нормальную одежду...

– Опять ты за свое!

– Это даже не обсуждается.

– Ах вот как?

– Да. Мы приехали отдыхать, а здесь даже в доме холодно! Не хватало еще заболеть. Поэтому я прошу тебя пойти к сестре и узнать, какие у них планы...

– Никуда я не пойду!

Я вздохнул.

– Почему мы все время спорим?

Она подняла на меня свои огромные глаза. В них было столько грусти, что мне стало жаль ее. Я подошел к ней и обнял.

– Ты заметила? С тех пор как мы прилетели, мы все время спорим и спорим.

– Да...

– Почему?

– Не знаю...

Она прижалась ко мне, а я подумал, что напрасно так давлю на нее, она и так переживает, волнуется, как пройдет наше знакомство с родней. Какая мне, в сущности, разница, сколько мы здесь пробудем? Завтра, так или иначе, все выяснится.

Когда я, после Алины, вышел из душа, в доме потеплело, запахло деревом. Алина навела уют, разложила всякие мелочи у кровати, поставила на стол блюдо с оставшимся с дороги печеньем, банку меда – из тех, что везла из Москвы для матери, сделала чай. До чего ж приятно иногда путешествовать с женщиной, подумал я и вдобавок кинул на лавку шерстяной плед, стащив его с кровати. Алина наполнила чашки, мы уселись у окна. Я почувствовал себя как в деревне, сидя за деревянным столом и глядя на пустующий дождливый пейзаж за окном; сквозь холодную листву просвечивало темнеющее небо, и кажется, уже совсем вечерело, мне же было жарко и хорошо, особенно, когда я смотрел на Алину, раздумывающую от тепла и горячего чая, скинувшую с колен плед и расстегнувшую пуговицы на рубашке – ей теперь стало душно.

Остаток вечера мы провели, чаевничая и целуясь. Алина была беспокойна, она то и дело поглядывала на окна соседнего домика и все порывалась пойти туда, посмотреть, как устроились сестра и Мишаня, но я всякий раз останавливал ее, убеждая, что им наверняка есть чем заняться наедине друг с другом. Меня умиляло ее стремление заботиться о них: по мне, так это они должны бы переживать о нас, ведь это они привезли нас сюда, не предупредив о том, что здесь будет холодно и дождливо.

За окном по-прежнему не было ни души, но я на всякий случай задернул занавеску и приглушил свет перед тем, как мы с Алиной отправились в кровать.

Уже после полуночи я вышел на крыльцо. Прохладный воздух приятно обхватил мой вспотевший затылок. Я закурил. Вверху неровно светилась луна, прикрытая облаками, кругом черно – ничего не разобрать, под ногами у меня неясные тени и тусклый свет от фонаря, стоящего между нашими двумя домами. Позади под длинным навесом, где поместилось бы машин двадцать, не меньше, я увидел наш одиноко стоящий минивэн. Вдруг мне показалось, что в машине кто-то есть. Я подался вперед и пригляделся – не пробрался ли какой-то воришка, обрадовавшийся нашему появлению – Мишаня обмолвился за обедом, что, несмотря на европейские порядки, здесь надо держать ухо в остро, румыны, промышляющие автомобильными кражами, так и норовят обчистить машину у зазевавшегося водителя; он сам видел, как у

одного стащили с сиденья портфель, пока тот укладывал пакеты с продуктами в багажник, а у другого выхватили через окно борсетку.

Я бросил сигарету и прижался к стене, готовый кинуться на хулигана из темноты, как вдруг он заметил меня, поднял голову и показал что-то рукой. Я замер, пойманный на месте. В темноте я не мог разобрать, кто он и что пытается мне сказать. Почему он не бежит? В следующее мгновение в машине зажегся свет, и я увидел, что это был Мишаня. Он помахал мне, мол, все в порядке. Я с облегчением вздохнул и вышел из темноты. Достав из кармана новую сигарету, я жестом предложил ему закурить вместе со мной. Но он не вышел. Только покачал головой, отказываясь, и потушил фары. Я вернулся на крыльцо. Что он делает в машине в такой час? Я посмотрел на их дом, в одной комнате горел свет, значит, Лия была там. А он что, собирается ночевать в машине? Я докурил и вернулся к Алине, беспечно спавшей, разметав в стороны руки.

Нас разбудил стук в дверь. Просыпаться не хотелось, и сквозь сон я никак не мог понять, где я и кто это может стучать так настойчиво, не переставая. Так и не открыв глаз, я услышал, как из-под одеяла вылезла Алина и, накинув на себя что-то, пошла открывать. Вдруг я вспомнил – Мишаня! Замерз, наверно, в машине и решил проситься переночевать у нас.

– Кто там? Мишаня? – спросил я Алину, бегом вернувшуюся в теплую постель.

– Нет, это Лийка. Она всех так будит, на зарядку.

– На какую зарядку?

– Я же тебе говорила, она у нас бывшая спортсменка.

– И что?

Алина нырнула под одеяло и прижалась ко мне ледяными пятками.

– Ну как что? По утрам у нее зарядка. Это у нее от папы. Он всю жизнь нас по утрам на зарядку строил.

– Я надеюсь, на нас это не распространяется?

– Ты что, Алеш, это на всех распространяется. Придется идти.

– Здравсьте!

– Даже не спорь. Я сказала, мы выйдем через пять минут. Слава богу, там нет дождя, и вроде даже светит солнце.

– У нас нет спортивных костюмов.

– Это не причина, чтобы прогуливать, – возразила Алина.

– И кроссовок тоже нет. Ты что, в своих босоножках пойдешь?

– Я туфли надену.

– Не смейся меня.

– А что такого?

– Да холодно же, Алин! Сама вон замерзла вся.

Алина села в кровати.

– И в дождь, и в снег, в любую погоду вся семья должна начинать утро с зарядки. Это закон. Так что придется идти. Алешенька, любименький, я тебя очень прошу! Ты потом в душ сходишь, согреешься. Вода ведь горячая есть. А я тебе чаю приготовлю. Нельзя пропускать зарядку. Лия этого не поймет. Тем более, я ей рассказывала, что ты у меня тоже спортсмен.

– Я?

– Ну конечно.

– Зря ты это выдумала.

– Ничего я не выдумывала. Ты водным поло занимался? Занимался.

– Это было в далеком прошлом.

– Ну и что? Вон у тебя плечи какие! Сразу видно, что ты спортсмен.

Словно подслушивая наш разговор, к нам снова постучали. Только теперь не в дверь, а в окно нашей комнаты, прямо над нашими головами, неприятным дребезжащим звуком, услышав который невозможно было продолжать и дальше нежиться в постели. Настроение у меня испортилось.

Алина кашлянула и прокричала бодрым голосом:

– Мы уже идем!

Я уткнулся лицом в ее теплый, еще пахнувший сном живот и попросил:

– Давай хотя бы разминку сами проведем?

Она расхохоталась. Я обнял ее покрепче и повалил на подушки.

Еще не было и восьми. Воздух бы пронзительный, морозный. Я отдал Алине толстовку, единственную теплую вещь у нас двоих, а сам, натянув на себя пару футболок, укутался в плед. Мы обошли соседние домики и оказались на высокой полянке.

Лия, одетая в теплый спортивный костюм, вязаную шапочку и маленькие ботиночки на плоской подошве, кивнула нам в ответ на наше «доброе утро» и жестом пригласила присоединяться к ней. Она делала упражнения, держась одной рукой за деревянный заборчик. Откуда-то доносилась ритмичная музыка, я огляделся и увидел на земле рядом с ней какой-то музыкальный прибор, издававший эти бодрые звуки. Привычными спортивными движениями она двигалась в такт музыки, и если бы не холод, от которого у меня сразу защипало лицо и околенили ноги, я с удовольствием понаблюдал бы за тем, как она по-балетному склонялась то вправо, то влево, изгибалась до самой земли, так что ее шапочка касалась травы, а ноги, как ножницы, разлетались в воздухе. Мишаня стоял неподалеку. Он со злостью вскидывал руки кверху и кричал. Была ли это своего рода зарядка, или он просто пытался проснуться и прийти в себя после тяжелой ночи, я не знал; мы молча поздоровались с ним за руку.

Я натянул плед повыше, к заледеневшим уже ушам, и посмотрел на Алину. Она, бедненькая, стояла как ошипанный птенец посреди ненастья. Ноги ее в летних туфельках тонули в мокрой траве, юбка трепалась на ветру, облепляя икры прозрачной от влаги материей. Она улыбалась посиневшими губами и хотела как-то приступить к зарядке вместе с сестрой, но от холода не могла и пошевелиться, и только стояла на месте, вытянувшись в струну, стуча зубами и пряча пальцы в длинные рукава моей толстовки.

– Иди в дом, – сказал я ей.

Но она замотала головой и продолжала стоять с улыбкой на трясущемся лице.

– Вы бы хоть посмотрели, какая здесь красота! – обернулась к нам Лия.

До красоты ли нам, подумал я, неужели она не видит, что у Алины зуб на зуб не попадает от холода? Но потом огляделся и решил, что она ведь не так уж неправа. Солнце только взошло и тянулось издали бледными белыми лучами; сверху нам видны были треугольные верхушки гор, как будто поднятые от земли и повисшие в небе, и гладкие полосатые холмы, переливающие тенью и светом. Ниже под нами слоеным пирогом лежали облака, те, что выше, покучнее и побелее, нижние серые, дымные, как запывившаяся вата. Удивительно было смотреть на них сверху и видеть, как они, точно живые, шевелились, бродили в долине, разделялись на части и шли в сторону, прерывая плавную линию гор.

Я забрал Алину, и мы ушли собираться: в половине девятого решено было ехать на завтрак.

Согреться в душе, как обещала Алина, мне не удалось. Вся горячая вода ушла на нее, и когда я залез в душевую, на меня потекла слабая, еле теплая струя, которая скоро стала совсем холодной; я с криком выскочил в комнату и стал обтираться полотенцем – уж лучше бы я вообще не раздевался. Алина предложила подогреть воду в кастрюле.

– Нет уж, – ответил я, – что-то многовато приключений для одного утра, тебе не кажется?

И пошел на улицу. Там, на солнце, и то было теплее. Я встал на крыльце, как ночью, и закурил, глядя вдаль – сейчас, когда блестело солнце, здесь было светло и живописно.

– Вы будете кашу?

На соседнем крыльце стояла Лия. Она уже переоделась и была теперь в длинном серебристого цвета свитере с воротником под горло. Короткие черные кудри взлетали от ветра и вились вокруг головы, она ловила их и прятала за ухо тонкими пальцами и смотрела на меня своим уютным и одновременно таинственным взглядом.

– Какую кашу?

– Я приготовила диетическую овсяную кашу.

– А, нет. Спасибо.

– Почему вы отказываетесь? Попробуйте.

Я помотал головой:

– Нет, благодарю.

– Это же полезно. Здесь на всех хватит.

– Добрая ты моя, – с гоготом произнес подошедший с улицы Мишаня. – Что, никак не найдешь, кому скормить свою кашу?

Лия безразлично посмотрела на него со ступенек. В ее лице ничто не поменялось, в глазах не возникло ни раздражения, ни обиды – ничего.

– Ну, как хотите, – только и сказала она не то мне, не то нам обоим и ушла в дом.

Завтракать поехали в городок, что стоял поблизости. За руль снова села Лия. Я слышал, как Мишаня негромко сказал, подойдя к самому ее уху, «давай лучше я поведу», а она ответила «не надо», завела мотор и вывела машину из-под навеса.

Дорога была сухая, чистая. Мы выехали за шлагбаум и покатались по крепкому белому асфальту. Длинные лучи солнца, тут и там прикрытые короткими пухлыми облаками, пестро освещали пейзажи по обе стороны дороги. Сегодня все здесь казалось радостным, солнечным, живым. Всюду свежая от росы, сверкающая зелень, блестящие поля. Мы переглянулись с Алиной и глазами сказали друг другу – а здесь все-таки хорошо! Довольные, сели в обнимку и стали и дальше глазеть по сторонам. Скоро на дороге появилась вывеска «С», и мы повернули в город.

Это был крошечный каталонский городишко, стоящий почти у самой французской границы. Несмотря на то, что проехать его весь можно было всего за четверть часа, он производил впечатление и имел свое лицо. В центре его, где мы сразу же и оказались, лежала круглая каменная площадь с собором, от нее ручейком растекались узкие мощенные улочки со старинными домами, чугунными воротами и, как водится, цветущими балкончиками; наш минивэн не без труда протискивался среди них. Место для завтрака искали долго. Где бы мы ни останавливались, что-то было не так, то не подавали завтраков, одни лишь сухие булки с хлебом да черный кофе, то заведение казалось нам недостаточно приятным изнутри, в одном было полным-полно невесть откуда взявшихся здесь китайцев, занявших всю залу и по своему обыкновению шумно гомонящих, другой ресторанчик, весьма опрятный и привлекательный на вид, оказался заперт и открывался лишь в полдень. Все мы, кроме Лии, к тому времени были страшно голодны, в особенности Мишаня. Мы с Алиной хоть немного перекусили – боясь, как бы она не заболела после нашей утренней прогулки, я поставил для нее чай, и перед выходом мы выпили с ней по чашке и доели печенье, да и то, в желудке у меня теперь громко урчало, до того хотелось есть. Мишаня же, как я понимал, не ел ничего со вчерашнего дня, и потому сейчас он с раздражением ругался, называя городок «чертовым местом, в котором даже поесть негде».

Мне пришла в голову мысль поехать в какой-нибудь отель и позавтракать там – они-то уж точно кормили завтраками своих постояльцев. Мишаня сразу поддержал меня и даже вспомнил, что видел один на холме, когда мы только заезжали в город.

– И что, вы хотите получить на завтрак колбасу и сосиски, оставшиеся со вчерашнего ужина? – спросила нас Лия тоном учительницы.

– Хотим, Лия, хотим! – горячо ответил Мишаня. – Да я не только сосиски, я готов уже съесть весь их вчерашний ужин!

Она ничего не сказала, а Мишаня, видя по ее лицу, что не убедил ее, потянулся к рулю и стал поторапливать:

– Давай, давай, Лия, разворачивайся вот здесь! Поехали назад. Есть охота, уже сил нет.

В отеле нас действительно накормили. Взяв за всю компанию шестьдесят евро, которые достал из бумажника Мишаня, снова осадив меня решительным жестом, нас провели в длинный залитый светом зал и пригласили к шведскому столу. Мы трое с поспешностью схватили тарелки и набрали в них разных закусок, сыров и колбас, булок и круассанов, меда, варенья, фруктов, словом, всего подряд, заказали кофе и чаю, и расселись у просторного окна друг напротив друга – мы с Алиной лицом на улицу, на сияющее небо и холмы, Лия с Мишаней лицом к нам. Мы с Мишаней молча накинулись на еду. Быстро утолив первый голод, поднялись, прошлись по рядам во второй раз, снова взялись за еду и потом только, оторвав головы от тарелок и сыто выпятив животы, усадились поудобнее, попивать чай и глядеть на наших дам.

– Вы как будто неделю не ели, – заметила Лия, и мы все засмеялись.

В голосе ее впервые мне послышалась доброта и какая-то ласковая насмешка. Мишаня тоже размяк от еды и от ее ласкового тона. Наклонив голову над столом, он сбоку заглянул ей в лицо и сказал:

– Голодный мужчина – сердитый мужчина.

– Надо было кашу поесть, я же предлагала, – произнесла она, почему-то глядя на меня, а не на него.

Мишаня вскинулся и фыркнул от смеха:

– Кашу...

– А что? Уже не восемнадцать лет, пора следить за своим здоровьем.

Сама она клевала изюм и орешки, подбирая их с тарелки длинными пальцами.

– Алина готовит вам по утрам кашу? – вдруг спросила она, продолжая смотреть на меня прямым и улыбчивым взглядом.

– Нет! – воскликнула Алина.

– Да, – вместе с ней ответил я, и все снова рассмеялись.

– Я не кашу, я омлеты готовлю или бутерброды... – поправила Алина.

– Омлеты? – Лия изумленно изогнула бровь.

– Ну да...

– Когда это ты научилась делать омлеты? Ты же не умела никогда. Знаете, – обратилась она ко мне и ко всем нам, – соберется делать омлет, яиц разобьет, я не знаю сколько, болтает там что-то, болтает, переворачивает на сковородке по сто раз, помидоры добавит, сыра чуть ли не килограмм, еще чего-то, продуктов изведет целый холодильник! А потом приносит к столу и говорит – будем есть яичницу. И так каждый раз, – она повела кистью руки и посмотрела на Алину со снисходительностью матери к неразумному ребенку. – Так теперь, говоришь, научилась?

– Ну да, вроде научилась...

– И что, Алексею нравится, как ты готовишь? – не успокаивалась она.

– Алеша все равно каши не любит...

– Алина прекрасно меня кормит, – поставил я точку, спасая Алину от опасной темы.

– Лия тоже когда-то прекрасно меня кормила, – вздохнул Мишаня. – И прекрасно готовила.

– А что, разве сейчас я плохо готовлю? – она снова почему-то смотрела на нас с Алиной, а не на него, и улыбалась нам как будто заговорщицки.

– Сейчас? – Мишаня, наоборот, весь развернулся к ней и искал, требовал ее взгляда, но напрасно, и только буравил глазами ее профиль. – Сейчас, Лия?

– Да, сейчас. А что?

– Да я не знаю, когда ты вообще последний раз для меня готовила!

– Две недели назад.

Мишаня удивленно поднял брови, потом нахмурился, вспоминая.

– На день рождения Темы, что ли? – наконец изрек он. – Да.

– Ха! – криво ухмыльнулся он.

– А что, тебе не понравилось?

Он поставил на стол локти, уронил голову и, покачав перед нами костистым безволосым затылком, с горечью прошептал:

– Ну ты даешь.

Что-то между ними происходило, но я не понимал, что именно. Алина, я видел, тоже. Мы с ней слушали этот странный разговор и оба ни о чем не спрашивали, опасаясь, что наши нечаянные расспросы могут вызвать ураган эмоций, которые так и клокотали в их паре.

– А где вы познакомились? – решила перевести разговор Лия, по-прежнему не глядя в сторону мужа.

Я не сомневался, что она отлично знает все подробности нашего знакомства от Алины, и не собирался покупаться на ее уловку, но Алина подхватила ее идею и стала рассказывать все как в первый раз. Лия оглядывала меня скользящим из-под ресниц, мягким, обволакивающим взглядом, и я чувствовал себя неловко от него – и что это за манера, не смотреть в глаза собеседнику, а глядеть куда попало, сердито думал я. Из нас двоих говорила больше Алина, а смотрела она только на меня. Смуглое лицо ее тонко сияло улыбкой, из-под губ то и дело вспыхивали своей сверкающей белизной зубы, глаза смотрели без обычной отрешенности, казалось, сейчас она вся была здесь и говорила со мной с непридуманным интересом. Мишаня тоже поднял глаза и слушал, поглядывая на всех нас своим зорким и прицелистым взглядом. Мне казалось, что и он чаще останавливался на мне и смотрел испытующе, но не строго, не родственному, как на будущего мужа Алины – до нее, по-моему, ему не было никакого дела, – а словно присматривался ко мне с какой-то собственной мыслью и прикидывал в уме, на что бы я мог ему сгодиться.

Постепенно между нами завязался разговор. Я стал расспрашивать об их жизни в Барселоне, задавая самые обычные, ни к чему не обязывающие вопросы – быстро ли они обустроились, что поразило их больше всего в характере каталонцев, привыкли ли к новой жизни дети, какова местная экономика и цены на жилье.

– Дом мы выбирали долго, – сказала Лия. – Мы хотели жить на море...

– Кто это мы? – прервал ее Мишаня. – Ты. Ты хотела.

– Ну хорошо, я.

– Вот. Так и говори.

– Я хотела жить на море, иначе для чего мы переезжали в эту страну? Хотела, чтобы Тема с Костей бегали по песку, купались, дышали морским воздухом.

Мишаня ухмыльнулся и покачал головой, мол, что за ерунда.

– И наш первый дом, который мы арендовали, пока не выбрали свой, был прямо на море.

– Мне очень нравился тот ваш первый дом! – с благоговением воскликнула Алина и повернулась ко мне. – Представляешь, у самого моря, на самой первой линии. Открываешь окно, и вот оно, море. Прямо перед тобой. Такой чудесный дом!

– Да, действительно чудесный, – со вздохом сожаления проговорила Лия. – Но мы не жили там и трех месяцев.

– Почему же?

Мишаня не дал жене ответить, посмотрел на меня в упор и спросил:

– Леха, вот скажи, ты жил когда-нибудь на самом море? Ты представляешь, что это значит, да? Это значит, что ты приходишь вечером домой, открываешь окно, а там – дыра. Чер-

ная, огромная дыра, – он широко провел рукой над столом. – Ни людей, ни домов, ни машин, ничего. Пустота... И еще шум такой – шшш... шшш... Как будто у тебя под окном кобра пяти-метровая поселилась и сидит там, ждет, пока ты заснешь... Чтобы сожрать тебя...

– Ну что ты говоришь, – возразила Лия.

– И это еще, если сильного ветра нет. А если шторм, не дай бог, – продолжал Мишаня, – так вообще всю ночь спать не будешь. Ветер такой поднимается! Все вокруг гремит. И каждую секунду волны – бам! бам! – как будто тебя по башкеогревают. Окна трещат, дети орут, в ушах звенит – красота. Утром встаешь с больной головой и думаешь: ну не молодец ли я, а? Какой дом у моря отхватил – это ж мечта, а не дом!

– Неправда. Ты и в Москве не спишь. Это не из-за моря.

– Вот именно. Я в Москве спать не могу, голова чумная. Думал, хоть здесь буду высыпаться, здесь же море, воздух – да какой там!

– Зато днем, какой там был вид! И утром тоже.

– Ага, детям твой вид очень нужен.

Он снова обратился ко мне и заговорил, загибая пальцы на руке:

– Школа далеко. Врач далеко. Магазины детские далеко. Друзья далеко. Им там вообще не до моря было – они из машины не вылезали, только и катались туда-сюда, километры наматывали. Пока еще с дорогами разобрались, ездить нормально научились, а не кругами. Да, Лия?

– Неправда. Мы успевали вечером прогуляться, посмотреть на закат.

– Ха! Закат! Дети прямо мечтали на твой закат смотреть – ах, когда же мы на закат пойдем смотреть? Это ничего, что мы весь день в машине жарились, катались туда-сюда, главное, на закат успели, так что ли?

– Не так.

– Ну?

– Я тебе говорила, они еще маленькие, им надо объяснять, показывать. Со временем они научатся ценить красоту. Костя даже рисовать начал, может, у него получилось бы что-то.

– Ха! Рисовать!

– Да, акварелью. Он тебе, кстати, рисунки свои хотел вчера показать, а ты заснул.

– Ему драться надо учиться, а не рисовать.

– Зачем ему драться? – произнесла она с насмешливой улыбкой, глядя мне в глаза и как будто не сомневаясь, что я разделяю ее мнение.

– За себя надо уметь постоять. Он же пацан, а не девчонка! Вон, нос вчера расквасил, так от бабушкиной юбки не отходил, она его на кухне пирожками весь день лечила.

– Он просто упал, когда играл в футбол.

– Все равно надо было дать сдачи!

– Кому? – она едва сдерживала смех от несуразного Мишаниного разговора. – Воротам?

– Да хоть воротам!

– Учительница в его новой школе очень его хвалит. Он у нас творческий мальчик, способный.

– Я видела его рисунки, – как всегда, поддержала сестру Алина.

– Да, он показал их? И как они тебе?

– Да он просто молодец!

– И куда же вы потом переехали? – спросил я.

Они рассказали, снова прерываясь и перечисляя друг другу, как в течение долгих недель смотрели разные варианты и мучительно не находили подходящий – все, что привлекало Лию, приезжал из Москвы и забраковывал Мишаня; как отчаялись, как все это время жили в тесной квартирке, пока не договорились руководствоваться только одним главным критерием, удобством детей и близостью школы, в которой им предстояло учиться, и как дом наконец нашелся.

– Да, нелегко вам пришлось, – кивнул я понимающе, выслушав их.

– Просто ужас! – воскликнула Лия, блеснув на меня чернотой своих глаз.

– Да ладно, это все ерунда, – возразил Мишаня. – Не попробуешь, не узнаешь. Выбрать дом это еще не самое сложное. Как говорится, труднее всего в этой жизни сделать выбор в двух случаях: выбрать из кучи арбузов спелый и из всех женщин порядочную. Правда, Лия?

Он снова вперился в нее глазами, а она снова промолчала и поглядела на меня поверх его взгляда. А я снова спросил себя: что означают эти его слова?

Мы заказали еще напитков и продолжали сидеть, сытые и согретые. Никому не хотелось торопиться, и мы разговаривали, впервые с момента встречи сидя за одним столом и глядя в лицо друг другу. От окна веяло теплом распалившегося солнца, улица искрилась в его горячих лучах, и, сидя здесь, уже не верилось, что еще утром мы леденели, умирали от холода.

Алина радовалась, что разговор у нас ладится и что я, кажется, произвел неплохое впечатление на ее родных – она видела, что Лия не спускала с меня заинтересованного взгляда, и Мишаня, похоже, тоже не имел ничего против меня. Наша беседа текла мирно и могла бы стать почти дружеской, если бы не странные, необъяснимые отношения между ними. О чем бы ни заходила речь, они противоречили друг другу; один говорил одно, другой другое, и казалось, ни в чем у них не было согласия. Лия так ни разу и не взглянула на мужа, а когда, очень редко, в разговоре вдруг обращалась к нему, то смотрела не на него, а на тарелку перед ним, слегка только повернув в его сторону голову и приподняв подбородок, словно не хотела удостоить его взглядом. Наказывает она его за что-то или боится встретиться с ним глазами, недоумевал я? Порой она вообще держала себя так, словно хотела говорить со мной одним, а присутствие мужа терпела из приличия.

Ее безразлично-вежливый тон досаждал Мишане. Он злился и сжимал кулаки, временами лицо его грозно темнело, но он удерживал себя и страдал оттого, что не мог высказать ей всего – по-видимому, из-за нас. В его репликах таился подвох, какой-то скрытый смысл, предназначенный жене, и она понимала, чувствовала, о чем он говорил, но виду не показывала, и он злился еще больше.

Наверняка она обижена на него за что-то, размышлял я. И все равно не понимал: Мишаня не выглядел как провинившийся муж – не смотрел на нее побитыми, умоляющими, на все согласными глазами, как это часто бывает в семейных парах, не стремился угодить и заслужить ее прощение. Более того, мог обратиться к ней довольно грубо или отпустить в ее адрес какую-нибудь шуточку – колкую, неприятную. В такие мгновения мне казалось, что это не он, а она провинилась в чем-то перед ним. Если кто и чувствует себя оскорбленным, так это он, думал я, и тут же снова сомневался, глядя на них и не понимая. Пожалуй, решил я в конце концов, они вели себя так, будто каждый считал себя правым, а другого виновным, и все время вели спор, стараясь доказать свою правоту другому – но почему-то исподволь, не называя вещи своими именами. И еще не без удивления заметил я про себя, что, несмотря на всю их разность и непримиримость, они, тем не менее, смотрелись давнишней семейной парой, какой, собственно, и были. То, что происходило между ними, не было размолвкой двух юных любящих сердец, когда чувства обострены, накалены до предела, когда душу терзает страх – а вдруг он или она сейчас встанет и уйдет, уйдет навсегда! – когда нестерпимо хочется остаться наедине и объясниться, и когда все остальное, гости, угощения, разговоры за столом, не имеют никакого значения по сравнению с тем, что кипит, горит и рвется изнутри. Эти двое были привычны и к враждебному тону, и к унижительным взглядам друг друга. Каждый из них как будто предвидел реакцию другого и знал наверняка, чем все закончится, и потому просто гнул свою линию с настойчивым и обычным упрямством. Хоть Алина и рисовала мне радужную картину их супружеской жизни, у меня создалось впечатление, что их отношения давно уже были далеки от идеала. И сейчас, наблюдая их хлесткие уколы друг другу, я поражался порой их жестокости: как они не боятся перегнуть палку? А вдруг один из них, обидевшись не на шутку, встанет

и уйдет? Уйдет насовсем? И больше не вернется? Но они не боялись. Да и мы, посторонние, им вовсе не мешали, даже наоборот, мне показалось, им нужны были зрители. Уж Лии-то точно.

Мы никак не могли договориться о том, чем занять себя сегодня. Все началось с Алины. На пути сюда я заметил конюшни, а в поле несколько наездников, как мне показалось, учеников, и я предложил Алине съездить туда – хотел показать ей коней и, может, покатай ее на какой-нибудь спокойной лошадке. В машине она с восторгом приняла мою идею, сейчас же, когда речь зашла о наших планах, она вдруг стала звать всех кататься на лошадях, да еще повернула все так, будто бы я сам этого хотел. Я попытался было намекнуть, что собирался покатай лишь ее, но она сделала вид, что не понимает; меня это задело, никогда раньше она так не делала, уж не собирается ли она обращаться со мной по примеру сестры, ни во что не ставившей мнение мужа?

– Так вы катаетесь на лошадях, Алексей? – спросила меня Лия.

Я не был опытным наездником. А если бы и так, все равно не рискнул бы садиться на незнакомого коня под взглядами будущих родственников. Мне сразу представилась картина, как конь несет меня по скользкой траве и я не могу управиться с ним, как лицо Алины искажается от неловкости за меня, а в глазах у Лии появляется усмешка – трудно вообразить более нелепую ситуацию.

– Конечно, – ответила тем временем за меня Алина, – Алеша мне уже столько всего о лошадях рассказал! Он говорит, там обычно разрешают покормить лошадок, посмотреть на маленьких жеребят, поиграть с ними. Мне очень хочется туда, поедимте! Я лошадок последний раз в зоопарке видела, когда Тему на день рождения туда возила, ты помнишь, Лий? Заодно посмотрим, как Алеша катается. Вдруг и мне разрешат покатайсь, поехали!

– А что еще здесь можно посмотреть? – спросил я и прибавил, обращаясь к Алине, – давай лучше послушаем, что предложат знающие люди. Они-то лучше нас с тобой знают, что здесь можно посмотреть.

Против такого аргумента Алина возражать не могла.

– Да, здесь есть, что посмотреть, – сказала Лия. – Тут недалеко находится очень известный бенедиктинский монастырь, туда со всего света паломники приезжают.

– Это Монтсеррат, что ли? – спросил Мишаня.

– Там находится знаменитая статуя черной Мадонны, может, вы слышали о ней? – не обращая внимания на реплику мужа, говорила Лия.

– Да мы там полдня в очереди простоим с этими твоими паломниками, – пробурчал Мишаня.

– А может, все-таки съездим, посмотрим? – робко возразила Алина.

– Ты же первая назад попросишь, – осадил ее Мишаня.

– Не говори ерунду, Лия. Это не вариант. Еще идеи есть?

Лия умолкла, но не от обиды на мужа. По лицу ее пробежала ироничная улыбка, говорившая, что она не станет опускаться до того, чтобы обижаться на человека столь недалекого, как Мишаня. Она по-прежнему часто смотрела на меня, как будто хотела договориться со мной, а остальные – и Алина, и Мишаня – ее вовсе не заботили. На ее вопросительный взгляд я предложил:

– Может, во Францию махнем? Здесь же совсем близко.

– Во Францию? – загорелась Алина и тут же посмотрела на сестру – что она скажет.

– Ну уж нет, – с неожиданной решимостью сказал Лия.

– Мы вам еще Испанию не показали, а вы уже во Францию собрались.

Так и не решив, куда поедет, мы сели в машину и, по моей просьбе, снова спустились в город, на сей раз покупать теплые вещи. Алина отказывалась и уверяла, что уже согрелась, но я был непреклонен и сам попросил Лию первым делом отвезти нас в магазин. Впрочем, Алина скоро согласилась – в машине она села, прильнув ко мне и поджав под себя окоченевшие ноги.

Магазин пришлось поискать. Мы смотрели во все глаза и, завидев какой-нибудь магазинчик с одеждой, останавливались, но до сих пор нам не встретилось ничего подходящего. Всюду предлагались летние вещи, купальники, платья, шляпки и платки; тогда я попросил Лию остановиться и спросить у местных жителей, нет ли у них в городе какого-нибудь большого спортивного магазина.

– Правда, Лия, давай, притормози, – сказал ей Мишаня, – спроси у местных, а то мы так до вечера будем кататься. Может, у них в городе и нет ничего такого.

– Но где-то же они одеваются, – задумчиво возразила она.

– Где-где, ездят в другие города, побольше. Давай, тормози вон у тех ворот.

Она остановила машину у дома, во дворе которого сидело несколько человек, опустила стекло и стала расспрашивать их. На испанском она говорила так же, как и по-русски, медленно, длинно растягивая слова. На мой слух, этот язык очень шел ее мелодичному голосу.

– Мучес грасиас, – пропела она, закрывая окно, и уже через пять минут мы заходили в двери большого торгового зала, полного разнообразной спортивной утвари.

У Алины глаза загорелись от радости. Она забегала от полки к полке, не зная, что выбрать. Намерзшись за это время и видя теперь такое изобилие вещей, ей захотелось купить все, и куртку, и вязаный, под горло свитер как у сестры, и длинный шерстяной шарф. Возбужденная, она подбегала ко мне, показывая то одно, то другое.

– Бери все, что нравится, – ответил я.

– Ты серьезно?

– Конечно.

– Что, и шарф взять?

– Бери.

– А тут еще шапочка к нему. Посмотри, Алеш! И перчатки!

– Бери, бери.

– Как ты думаешь, я в Москве потом смогу все это носить? Они ведь хорошенькие, правда? Я даже не знаю, взять весь комплект или только шарф? Нет, шарф-то я точно возьму...

Я тоже нашел для себя ботинки на толстой подошве (мои нубуковые негодились на мокрую погоду), хотел купить нам куртки, но те, что предлагались, были совсем уж неказистые, китайские, из жесткой клеенки, и я взял простенькие полиэтиленовые ветровки от дождя, для нас обоих. Все здесь было не бог весть какого качества, но сейчас мы и этому были рады.

Краем глаза я увидел, как Лия с Мишаней, зашедшие было за нами в магазин, вдруг оба вытащили свои телефоны, развернулись и быстрым шагом двинулись обратно на улицу – видимо, появилась связь. Теперь Мишаня ходил кругами около машины и зычно говорил в телефон, а Лия молча стояла в сторонке и писала кому-то письма.

Алина перемерила груды одежды, но когда она притащила на кассу все, что решила покупать, оказалось, что она набрала тоненьких трикотажных вещей и не принесла ничего по-настоящему теплого. Пришлось мне идти самому и искать для нее что-нибудь потеплее. Я выбрал самый толстый вязаный свитер.

– Нет, только не этот! – воскликнула Алина.

– Почему? Тебе же нравится розовый.

– Мне нравится коралловый. Или персиковый.

– А это какой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.